

Пролог

СНЫ И ПРОБУЖДЕНИЯ

Почему считается, что записывать специальные магические знания ни в коем случае не следует? Возможно, истинная причина этого — в извечной боязни дать страшное оружие человеку недостойному. Однако всегда существовала система ученичества, согласно которой магические знания переходили от учителей к их особо отобранным питомцам. Стремление соблюдать строжайшую тайну, чтобы оградить нас от безответственных пользователей, всегда считалось похвальным, но при этом полностью игнорировалось то, что магией нельзя овладеть при помощи каких-либо специальных знаний. Предрасположенность к определенному ее типу или является врожденной, или вообще отсутствует. Например, способность к магии, называемой Скиллом, чаще всего передается по наследству в королевской династии Видящих. Но порой она проявляется как случайная склонность и у людей, чьими предками были как представители внутренних племен, так и жители внешних островов. Обученный Скиллу способен достичь сознания любого человека, где бы тот ни находился, и узнать, о чем он думает. Особо одаренные Скиллом могут влиять на мысли других людей или общаться с ними на расстоянии. Для командования сражением или разведки это крайне полезное орудие.

В фольклоре упоминается еще более древняя магия, ныне повсеместно презираемая. Она известна нам под названием Уит. Немногие признаются, что одарены этой магией. Обычно люди говорят, что это свойство крестьян из соседней долины или тех, кто живет по другую сторону дальнего моста. Я подозреваю, что некогда Уит был естественной способностью живущих на нынешней территории Шести Герцогств охотников — тех, кто чувствовал родство с дикими лесными животными. Оседлым людям такое было недоступно. Уит, по слухам, давал человеку

способность говорить на языке животных. Наиболее активно практикующих Уит предупреждали, что они могут превратиться в животное, с которым связаны. Но, возможно, это только легенды.

Существуют магии Ограждения, хотя мне никогда не удавалось установить происхождение этого названия. Это магии одновременно достоверные и вызывающие подозрение, включающие в себя чтение по ладони, гадание по воде, по отражениям хрустала и множество других, имеющих целью предсказывать будущее. В отдельной, не имеющей названия категории находятся магии, порождающие такие эффекты, как невидимость, левитация и передвижение или оживление неодушевленных предметов, — все это магии древних племен — от Летающего Кресла Сына Вдовы до Волшебной Скатерти Северного Ветра. Я не знал еще человека, который признавал бы, что владеет одной из этих магий. Они, по-видимому, существуют лишь в легендах и приписываются людям, жившим в давние времена или в дальних странах или существам мифическим и полумифическим — драконам, гигантам, Элдерлингам.

Я останавливаюсь, чтобы почистить перо. На этой плохой бумаге буквы то слишком тонкие, то расплываются кляксами. Но я не буду использовать для своих записей хороший пергамент. Пока нет. И должно ли это быть написано? Я спрашиваю себя, зачем вообще доверять это бумаге? Разве эти знания не будут переданы из уст в уста тем, кто достоин их? Возможно. Но возможно, и нет. То, что мы сейчас принимаем как должное, может однажды стать чудом и загадкой для наших потомков.

В библиотеках вы немного найдете о магии. Я трудолюбиво отслеживал нить знания в лоскутном одеяле информации. Я нашел отдельные ссылки, случайные намеки — и только. Я собрал их все за последние несколько лет и храню в своей голове, намереваясь соединить сведения и изложить на бумаге. Я запишу то, что знаю из своего собственного опыта, так же как и то, что мне удалось собрать. Возможно, моя работа ответит на вопросы какого-нибудь несчастного будущего глупца, которого раздавит его собственная магия. Как когда-то меня.

Но, когда я сажусь, чтобы приступить к этой работе, я медлю. Кто я такой, чтобы противопоставить мое желание мудрости тех, кто жил до меня? Должен ли я записать простыми словами те методы, при помощи которых одаренный Уитом может расширить зону своего влияния или привязать к себе какое-то создание? Должен ли я детально изложить, чему должен научиться человек, прежде чем его признают владеющим Скиллом? Магиями Ограждения и легендарными магиями я не владел никогда. Имею ли я право раскапывать их тайны и прищипливать на бумагу, как собранных в коллекцию бабочек? Я пытаюсь обдумать, что может сделать человек, получив такие знания несправедливым путем. Это приводит меня к размышлениям о том, что это знание дало мне. Власть, богатство, любовь женщины? Я смеюсь над собой. Ни Скилл, ни Уит ничего подобного мне не дали. А если и предоставили такую возможность, то у меня не достало разума и честолюбия, чтобы ею воспользоваться.

Власть? Не думаю, что я когда-нибудь хотел получить власть ради власти. Я жаждал ее порой, когда был повержен или когда мои близкие страдали под гнетом тех, кто злоупотреблял своей властью. Богатство? Оно меня никогда не прельщало. С того мгновения как я, незаконный внук короля Шрюда, поклялся ему в верности, он всегда следил за тем, чтобы мои нужды полностью удовлетворялись. Еды у меня было в достатке, учебы даже больше, чем мне иногда хотелось, одежда у меня была и простая, и раздражающе роскошная, и частенько мне перепала монета-другая, которыми я волен был распоряжаться как мне заблагорассудится. Это действительно считалось богатством в замке, а уж мальчишки Баккипа могли только мечтать о чем-то подобном. Любовь? Что ж... Моя лошадь Суути неплохо ко мне относилась — в ее собственной спокойной манере. Меня искренне любил пес по имени Ноузи, и это стоило ему жизни. Со всей силой собачьей преданности привязался ко мне щенок терьера, и его это тоже привело к гибели. Я содрогаюсь при мысли о цене, которую они с готовностью заплатили за любовь ко мне.

Меня всегда мучило одиночество человека, выросшего среди интриг и тайн, человека, который никому не может полностью открыть свое сердце. Я не мог пойти к Федврону, замковому писарю, который ценил меня за умение красиво писать и рисовать, и рассказать ему, что не имею возможности стать его учеником, потому что уже учусь у

служащего королю убийцы. Так же я не мог открыть Чейду, моему наставнику в дипломатии ножа, что я вынес, пытаясь овладеть основами королевской магии у мастера Скилла Галена. И ни одному человеку не смел я открыто говорить о моей склонности к Уиту, древней магии, считавшейся извращением и навлекавшей позор на владевших ею.

Даже Молли.

Из всего, что было у меня, Молли была наибольшей драгоценностью, истинным убежищем. Она не имела ничего общего с моей повседневной жизнью. Дело было не только в том, что она была женщиной, хотя в этом и таилось для меня что-то загадочное и непонятное. Я рос почти исключительно в мужском обществе, лишенный не только матери и отца, но и других кровных родственников, которые бы открыто признавали меня. Еще ребенком меня отдали на воспитание Барричу — суровому начальнику конюшен, который некогда был правой рукой моего отца. Моими товарищами были конюшие и стражники. Тогда, как и сейчас, в военных отрядах имелись женщины, хотя и не так много, как теперь. Но, как и у мужчин, у них были четкие обязанности, и когда они не стояли на посту, то занимались собственными семьями. Я не мог отнимать у них время. У меня не было ни матери, ни сестер, ни теток. Не нашлось ни одной женщины, предложившей мне особую нежность, которую, как говорят, может дать только представительница прекрасного пола.

Ни одной, кроме Молли.

Она была всего на год или два старше меня и росла подобно зеленому побегу, пробивающемуся сквозь щель в булыжнике. Ни пьянство и жестокость отца, ни изнурительный труд подростка, пытающегося содержать дом и продолжать семейное дело, не смогли сокрушить ее. Когда я впервые встретил ее, она была дикой и настороженной, как лисенок. Молли Расквашенный Нос, так называли ее уличные мальчишки. Она часто бывала вся в синяках от побоев своего отца. Несмотря на его жестокость, она, однако, любила его. Я никогда не мог этого понять. Он ворчал и ругал ее, даже когда она тащила его домой после очередной попойки и укладывала в постель. А проснувшись, он никогда не испытывал никакого раскаяния за свое пьянство и грубость. Были только новые придирки: почему мастерская

не выметена и пол не посыпан свежей травой, почему она не ухаживает за пчелиными ульями, когда мед для продажи почти кончился, почему не уследила за огнем под котелком с воском? Я был этому свидетелем гораздо чаще, чем мне бы хотелось.

Но, несмотря на все это, Молли росла. И в одно прекрасное лето она внезапно расцвела в молодую женщину, которая заставила меня благоговеть перед ее очарованием. Что до нее, то она, по-видимому, совершенно не подозревала о том, что глаза ее, встретившись с моими, лишают меня дара речи. Никакая магия — ни Скилл, ни Уит, которыми я обладал, — не могла защитить меня от случайного прикосновения ее руки и от смущения, в которое меня повергала ее улыбка.

Должен ли я описывать ее летящие по ветру волосы или рассказывать, как цвет ее глаз менялся от темно-янтарного до карего в зависимости от ее настроения или тона ее платья? Заметив ее алую юбку и красную шаль среди рыночной толпы, я внезапно переставал видеть всех остальных людей, сновавших вокруг. Вот магия, которой я был свидетелем, и хотя я мог бы описать ее, никто другой не сумел бы воспользоваться ею.

Как я ухаживал за ней? Я был неуклюжим мальчишкой и глядел на нее, раскрыв рот, подобно дурачку, следящему за сверкающими дисками бродячего жонглера. Полагаю, она первой поняла, что я влюблен в нее. И она позволила мне ухаживать за ней, хотя я был на несколько лет младше, не жил в городе и, насколько она знала, не имел перспективной профессии. Она думала, что я посыльный из замка, иногда работающий в конюшнях. Она так и не заподозрила, что я бастард, непризнанный сын принца Чивэла, столкнувший его с пути к трону. Это само по себе было величайшей тайной. О моих магиях и о моей настоящей профессии она не знала ничего.

Может быть, именно поэтому я мог любить ее. И, безусловно, поэтому потерял. Я позволил тайнам, падениям и боли других моих жизней поглотить слишком много моего времени и внимания. Были магии, которым надо учиться, тайны, которые надо разнюхивать, люди, которых надо убивать, и интриги, в которых надо уцелеть. Из-за всего этого мне никогда не приходило в голову обратиться к Молли за поддержкой и пониманием, в которых мне было отказано в других местах. Она не имела отношения ко всему этому и не была запятнана ничем. Я бережно охранял ее от любого прикосновения к этим сферам

своей жизни. Никогда не пытался втянуть ее в свои дела. Вместо этого я окунался в ее мир — мир рыбной ловли и кораблей портового города. Она продавала свечи и мед, делала покупки на рынке, а иногда гуляла со мной по пляжу. Чтобы любить ее, мне было достаточно самого факта ее существования. Я не смел и надеяться, что она может ответить на мое чувство. Пришло время, когда обучение Скиллу свергло меня в отчаяние столь глубокое, что я не надеялся пережить его. Я не мог простить себя за то, что оказался неспособен овладеть Скиллом; не мог вообразить, что мой провал может быть совершенно безразличен другим людям. Я погрузился в свое отчаяние в угрюмом самоустранении. Прошли долгие недели, в течение которых я не видел ее и не послал ей никакой весточки о том, что думаю о ней. В конце концов, когда больше обратиться мне было не к кому, я все же нашел ее. Слишком поздно. Я пришел в «Пчелиный бальзам» однажды вечером с корзиной подарков, как раз вовремя, чтобы увидеть, как она уходит. Не одна. С Джемом, красивым широкоплечим моряком с шикарной серьгой в одном ухе, в расцвете его мужской зрелости. Незамеченный, сраженный, я скользнул в сторону и наблюдал, как они рука об руку идут от свечной мастерской. Я смотрел, как она уходит, и позволил ей уйти, а в последующие месяцы пытался убедить себя, что мое сердце тоже отпустило ее. Не знаю, что могло бы случиться, если бы я побежал за ними тем вечером и вымолил у нее одно последнее слово. Странно думать, как много событий может произойти из-за неуместной гордости мальчика, приученного к поражениям. Я выбросил ее из головы и ни с кем не говорил о ней. Я продолжал жить.

Король Шрюд послал меня в качестве личного убийцы с огромным караваном, отправленным засвидетельствовать обет горной принцессы Кетриккен, которая должна была стать женой принца Верити. Мне надлежало устранить ее старшего брата, принца Руриска, с тем чтобы Кетриккен осталась единственной наследницей трона Горного Королевства. Но, прибыв туда, я натолкнулся на паутину обмана и лжи, сотканную моим младшим дядей, принцем Регалом, который задумал уничтожить Верити и сам претендовал на руку принцессы. Я был пешкой, которой он собирался пожертвовать в этой комбинации. И я был пешкой, которая неожиданно опрокинула другие фигуры, расставленные им. Ярость и месть Регала обрушились на меня, но я сохранил для Верити его корону и его невесту. Не думаю, что это был

героизм. И не думаю, что это была простая месть человеку, который всегда унижал и оскорблял меня. Это был поступок мальчика, становящегося мужчиной и выполнившего клятву, данную много лет назад, еще до того, как я понял ее цену. Я заплатил за это своим здоровьем, которое так долго считал чем-то само собой разумеющимся.

Долгое время после того, как был разрушен заговор Регала, я провел в постели в Горном Королевстве. Но настало утро, когда я проснулся и понял, что моя долгая болезнь наконец отступила. Баррич решил, что я достаточно здоров для того, чтобы начать долгое путешествие домой, в Шесть Герцогств. Принцесса Кетриккен и ее свита уехали в Баккип несколько недель назад, когда погода была еще хорошей. Теперь зимние дожди уже душили самые высокие области Горного Королевства. Если бы мы в самое ближайшее время не покинули Джампи, то были бы вынуждены зимовать там. В это утро я проснулся рано и укладывал оставшиеся вещи, когда начался первый приступ мелкой дрожи. Я решительно пренебрег им. Я просто ослабел, сказал я себе, и еще не завтракал, а кроме того, возбужден предстоящим путешествием. Я надел то, что приготовила Джонки для нашей долгой поездки через горы и равнины. Для меня она принесла длинную красную рубашку, подбитую шерстью, и зеленые стеганые штаны, окаймленные красным у пояса и манжет. Сапоги были мягкими и почти бесформенными, пока я не натянул их на ноги. Они напоминали мешки из мягкой кожи, отороченные мехом, и закреплялись на ноге длинными кожаными полосками. Моим дрожащим пальцам было нелегко завязать их. Джонки сказала нам, что эти сапоги идеально подходят для сухого горного снега, но лучше их не мочить.

В комнате было зеркало. Сперва я улыбнулся своему отражению. Даже шут короля Шрюда не одевался так ярко. Но в контрасте с веселой расцветкой одежды мое лицо было еще более худым и бледным, отчего глаза казались слишком большими, а жесткие черные волосы, остриженные на время болезни, торчали, как шерсть у собаки на загривке. Моя болезнь иссушила меня. Но я сказал себе, что наконец отправляюсь домой. И отвернулся от зеркала. Когда я упаковывал несколько маленьких подарков, которые выбрал, чтобы отвезти домой друзьям, слабость усилилась.

В последний раз Баррич, Хендс и я сели позавтракать с Джонки. Я еще раз поблагодарил ее за все, что она сделала для моего выздоровления. Я взял ложку, собираясь приняться за кашу, и мою руку свело судорогой. Ложка упала. Я проводил ее глазами и упал вслед за ней.

Следующее, что я помню, — это темные углы спальни. Долгое время я лежал не двигаясь и не разговаривая. Состояние опустошенности сменилось пониманием того, что со мной случился еще один припадок. Он прошел; тело и разум снова подчинялись мне. Но я больше не хотел ими командовать. В пятнадцать лет, когда большинство людей только начинают входить в силу, я уже не мог доверить своему телу даже самую простую работу. Мое тело было разрушено, и я в ярости отказывался от него. Я люто ненавидел себя и искал способа выразить мое жестокое разочарование. Почему я не смог выздороветь? Почему я не поправился?

— На это потребуется время, вот и все. Подожди, пока пройдет полгода с того дня, как ты был отравлен. Тогда и оценивай себя.

Это была Джонки, целительница. Она сидела у огня, но ее кресло было задвинуто в тень. Я не замечал ее, пока она не заговорила. Она медленно поднялась, как будто зима заставила болеть ее суставы, подошла и встала у моей постели.

— Я не хочу превратиться в старика!

Она поджала губы:

— Раньше или позже, но тебе придется. Я, по крайней мере, очень надеюсь, что ты проживешь столько лет. Я стара, и мой брат, король Эйод, тоже. Мы не находим, что это такая уж тяжелая участь.

— Пусть мое тело станет телом старика, но только когда придет срок. Но так жить я не могу.

Она озадаченно покачала головой:

— Конечно можешь. Лечиться бывает скучно, но сказать, что ты не можешь так жить... Я не понимаю. Может быть, это различие наших языков.

Я набрал воздуха, чтобы заговорить, но в это мгновение вошел Баррич:

— Проснулся? Тебе лучше?

— Проснулся. Мне не лучше, — проворчал я. Даже мне самому это показалось ответом капризного ребенка.

Баррич и Джонки переглянулись. Она подошла к постели, похлопала меня по плечу и молча вышла из комнаты. Их очевидное спокойствие раздражало меня, и моя бессильная ярость возрастала, подобно приливу.

— Почему вы не можете вылечить меня? — требовательно спросил я Баррича. Он был обескуражен обвинительными интонациями в моем голосе.

— Это не так просто... — начал он.

— Почему? — я приподнялся в постели. — Я видел, как ты избавляешь животных от самых разных болезней. Лихорадка, сломанные кости, глисты, чесотка... Ты начальник конюшен, и я видел, как ты со всем этим справляешься. А почему ты не можешь вылечить меня?

— Ты не собака, Фитц, — тихо сказал Баррич, — с животным проще, когда оно серьезно заболит. Иногда я применяю исключительные меры и говорю себе: «Что ж, если собака умрет, она, по крайней мере, не будет больше страдать. Смерть избавит ее от мучений». Я же не могу поступить так с тобой. Ты не собака.

— Это не ответ! В половине случаев стражники идут не к врачу, а к тебе. Ты вынул наконечник стрелы из раны Дэна. Ты разрешил ему всю руку, чтобы это сделать! Когда лекарь сказал, что нога Грейдин слишком воспалилась и ее придется отнять, она пришла к тебе, и ты спас ей ногу. А лекарь все время говорил, что заражение пойдет дальше, Грейдин умрет и ты будешь в этом виноват.

Баррич сжал зубы, пытаясь сдержаться. Будь я здоров, я бы остерегся его гнева. Но его терпимость ко мне в течение моей болезни сделала меня дерзким. Когда Баррич заговорил, голос его был тихим и сдержанным.

— Да, это было рискованно. Но люди, которые приходили ко мне, знали о риске. И, — он повысил голос, чтобы заглушить мои возможные возражения, — это были простые случаи. Я знал причину. Вынуть наконечник и древко стрелы и вычистить рану. Сделать припарку и выгнать гной из ноги Грейдин. Но твоя болезнь не так проста. Ни Джонки, ни я на самом деле не знаем, что с тобой. Последствия ли это яда, который дала тебе Кетриккен, когда думала, что ты хочешь убить ее брата? Или действие отравленного вина, которое тебе подсунул Регал? Или результат того, что тебя после этого

избили до полусмерти? Может, это от того, что ты чуть не утонул? А может быть, это результат всех напастей вместе? Неизвестно. И поэтому мы не знаем, как лечить тебя. Мы просто не знаем.

При последних словах его голос дрогнул, и я увидел, что его привязанность ко мне пересиливает раздражение. Он прошелся по комнате, потом остановился и взглянул в огонь.

— Мы много говорили об этом. В преданиях Джонки есть многое, о чем я никогда раньше не слышал. А я рассказал ей о способах лечения, которые известны мне. Но оба мы согласились, что твой главный лекарь — это время. Смерть, насколько мы видим, тебе не грозит. Возможно, в конце концов твой собственный организм выгонит последние остатки яда или излечит какие-то внутренние расстройства.

— Или, — добавил я тихо, — мне суждено остаться таким до конца моих дней. Если этот яд или побои окончательно повредили что-нибудь во мне. Проклятый Регал — так бить меня, ногами, когда я уже был связан.

Баррич словно окаменел. Потом он опустил в кресло в тени у очага. Голос его был печальным:

— Да. Это тоже возможно. Но разве ты не видишь, что у нас нет выбора? Я мог бы дать тебе снадобье, чтобы попытаться выгнать из тебя яд. Но если это какое-то повреждение, а не яд, такое лечение только ослабит тебя, и тогда выздоровление займет гораздо больше времени. — Он посмотрел в огонь, поднял руку и коснулся белой пряди в волосах. Не я один стал жертвой предательства Регала. Сам Баррич только что оправился от удара по черепу, который убил бы любого другого. Я знал, что много дней подряд у него кружилась голова и было расстроено зрение. При мысли об этом я почувствовал некоторые угрызения совести.

— Так что же мне делать?

Баррич вздрогнул, словно его внезапно разбудили:

— То же, что и раньше. Ждать. Есть. Отдыхать. Успокоиться. И посмотреть, что из этого выйдет. Разве это так уж плохо?

Я пропустил вопрос мимо ушей:

— А если мне не станет лучше? Если судороги и припадки так и будут продолжаться?

Он долго не отвечал.

— Живи с этим. Многим приходится жить с гораздо худшими хворями. Большую часть времени ты здоров. Ты не слеп. Ты не парализован. Ты не потерял разум. Прекрати мучить себя тем, чего не можешь изменить. Почему бы тебе не подумать о том, чего ты не потерял?

— Чего я не потерял? Чего я не потерял? — Моя ярость взвилась, как стайка испуганных птиц. — Я бессилён, Баррич. Я не могу вернуться в Баккип таким. Я бесполезен. Я хуже чем бесполезен, меня в любой момент могут убить. Если бы я мог вернуться и втоптать Регала в грязь, это имело бы какой-то смысл. А я должен буду сидеть с принцем Регалом за одним столом, быть вежливым и почтительным с человеком, собиравшимся свергнуть Верити и вдобавок убить меня. Мне невыносима даже мысль о том, что он увидит меня дрожащим от слабости и сотрясаемым судорогами. Я не желаю смотреть, как он улыбается, видя, что сделал со мной. Я не хочу быть свидетелем его триумфа. Он снова попытается убить меня. Мы оба знаем это. Может быть, он понял, что не в силах соперничать с Верити, возможно, он будет даже с уважением относиться к правлению своего старшего брата и его молодой жены. Но я сомневаюсь, что это распространится на меня. Я для него — ещё одна возможность причинить боль Верити. А когда он явится ко мне, что я смогу сделать? Я, сидящий у огня, как парализованный старик, и не делающий ничего. Ничего! Все, чему меня учили, все уроки Ходд, вся грамота Федврена, даже все то, что ты объяснял мне в конюшнях! Все — напрасно! Ничего этого я делать не могу. Я снова стану только бастардом, Баррич, а кто-то однажды сказал мне, что королевский бастард остается в живых, только пока он полезен. — Последние слова я практически выкрикнул. Но даже в своей ярости и отчаянии я ничего не сказал о Чейде и моем обучении дипломатии ножа. И в этом я тоже теперь был бессилён. Вся моя хитрость и ловкость рук, все точные способы убить человека одним прикосновением или сделать так, чтобы он умер в мучениях от смеси ядов, — все было недоступно ныне моему несчастному, разваливающемуся телу.

Баррич сидел тихо и слушал меня.

Когда воздух в моих легких и моя ярость иссякли и я сидел, задыхаясь, в постели, сжимая предательски дрожащие руки, он спокойно заговорил:

— Так. Значит, ты хочешь сказать, что мы не поедem в Баккип.

Это ошеломило меня:

— Мы?

— Моя жизнь принадлежит человеку, который носит эту серьгу. За этим стоит длинная история, которую, возможно, я когда-нибудь расскажу тебе. Пейшенс не имела права давать эту серьгу тебе. Я думал, что она отправилась в могилу вместе с принцем Чивэлом. Вероятно, Пейшенс думала, что это просто драгоценность, которую носил ее муж, и она вольна распоряжаться ею. Как бы то ни было, теперь ее носишь ты. Куда бы ты ни шел, я последую за тобой.

Я поднес руку к безделушке в моем ухе. Это был крошечный синий камешек, запутавшийся в серебряной паутине. Я начал расстегивать замочек.

— Не делай этого, — сказал Баррич. Голос его был тихим, но более глубоким, чем низкое рычание собаки. В нем были и угроза и приказ. Я опустил руку, не в силах спрашивать его, по крайней мере об этом. Странно было, что этот человек, который воспитывал меня с самого детства, теперь отдавал свою судьбу в мои руки. Однако он сидел здесь, перед огнем, и ждал моего решения. Я смотрел на его силуэт в свете танцующего пламени. Когда-то он казался мне угрюмым великаном, темным, угрожающим, но он был для меня и надежным защитником. Теперь, может быть, в первый раз, я видел в нем просто человека. Темные глаза и волосы чаще всего встречались у тех, в ком текла кровь островитян, и в этом мы, очевидно, были схожи. Но его глаза были карими, а не черными, и щеки над выющейся бородой покраснели от ветра — черты, унаследованные от светловолосого предка. Он прихрамывал, особенно заметно в холодные дни. Это было результатом схватки с кабаном, пытавшимся убить Чивэла. Он был совсем не таким большим, каким казался мне раньше. Если бы я продолжал расти, то, вероятно, меньше чем через год стал бы выше, чем он. Не было у него и богатырских мускулов. Зато он был крепко сбит, тело его и разум всегда действовали в согласии. Его уважали и боялись в Баккипе не из-за роста, а из-за вспыльчивости и упрямства. Однажды, когда я был еще очень мал, я спросил его, случалось ли ему когда-нибудь проигрывать бой. Он только что укротил норовистого молодого жеребца и успокаивал его в стойле. Баррич улыбнулся,

обнажив крупные, как у волка, зубы. Капли пота стекали по его щекам. Он ответил мне через перегородку стойла:

— Проигрывать бой? — все еще задыхаясь спросил он. — Бой не заканчивается, пока ты его не выиграл, Фитц. Это очень просто запомнить. Независимо от того, что считает другой человек. Или лошадь.

Я задумался тогда, был ли я тоже битвой, которую ему надлежало выиграть. Он часто говорил мне, что я был последним поручением, которое дал ему Чивэл. Мой отец отрекся от трона, узнав о моем существовании. Тем не менее он передал меня этому человеку и просил его заботиться обо мне. Может быть, Баррич думает, что это поручение еще не выполнено?

— А что я должен делать, по твоему мнению? — покорно спросил я. И эти слова, и эта покорность нелегко дались мне.

— Выздоровливать, — ответил он немного погодя, — дать себе время на выздоровление. Его нельзя ускорить. — Он посмотрел вниз, на собственные ноги, протянутые к огню. Его губы сложились в некое подобие улыбки.

— Полагаешь, мы должны вернуться? — настаивал я. Баррич откинулся назад в кресле, сел нога на ногу и уставился в огонь. Он долго не отвечал, но наконец произнес, почти неохотно:

— Если мы не вернемся, Регал решит, что он победил. И попытается убить Верити или по крайней мере придумает что-нибудь, чтобы отобрать корону у своего брата. Я дал обет моему королю, Фитц, так же как и ты. Сейчас это король Шрюд. А Верити его наследник. Не думаю, что будет хорошо, если он не получит трона.

— У него есть другие слуги, гораздо полезнее меня.

— Это освобождает тебя от твоего обета?

— Ты говоришь как священник.

— Я не спорю с тобой. Я просто задал тебе вопрос. И задам еще один. От чего ты откажешься, если решишь не возвращаться в Баккип?

Теперь настал черед замолчать мне. Я действительно размышлял о моем короле и о том, в чем поклялся ему. Я думал о принце Верити — о его грубоватой сердечности и простоте обращения. Я вспомнил Чейда и его медленную улыбку, когда я наконец овладевал очередным кусочком тайны знаний; леди Пейшенс и ее горничную Лейси, Федврена и Ходд, даже повариху и миссис Хести, портниху. Было не

так много людей, которым я был небезразличен, но от этого они становились для меня еще более значительными. Мне бы не хватало их всех, если бы я решил никогда больше не возвращаться в Баккип. И, словно разгоревшийся уголь, вспыхнуло во мне воспоминание о Молли. И каким-то образом я начал говорить о ней с Барричем, а он только кивал, пока я изливал ему свою горестную историю.

Когда он наконец заговорил, то сказал только, что, по слухам, «Пчелиный бальзам» закрылся, когда владевший заведением старый пьяница умер, по уши в долгах. Его дочь была вынуждена отправиться к родственникам в другой город. Он не знал точно в какой, но был уверен, что я смогу это выяснить, если захочу.

— Спроси свое сердце, прежде чем сделаешь это, Фитц, — добавил он, — если тебе нечего предложить ей, оставь ее в покое. Калека ли ты? Только если ты сам так решишь. Но если ты убежден в том, что ты теперь инвалид, тогда, наверное, у тебя нет права искать ее. Не думаю, что тебе нужна ее жалость. Это жалкая замена любви.

И потом он встал и оставил меня смотреть в огонь и размышлять.

Был ли я калекой? Потерпел ли я поражение? Тело мое дрожало, как струны плохо настроенной арфы. Это так. Но победила моя воля, а не воля Регала. Мой принц Верити все еще готов занять трон Шести Герцогств, и горная принцесса теперь стала его женой. Боюсь ли я насмешек Регала над моими дрожащими руками? Разве я не смогу смеяться в ответ, поскольку Регал никогда не станет королем? Во мне поднималось злорадное удовлетворение. Баррич был прав. Я не был побежден и мог убедиться в том, что Регал осведомлен о моей победе.

Но, если я выиграл схватку с Регалом, неужели я не смогу также завоевать и Молли? Что стояло между нею и мной? Джед? Но Баррич слышал, что она покинула Баккип, а не вышла там замуж. Ушла, оставшись без копейки, чтобы жить со своими родственниками. Позор Джеду, если он позволил ей сделать это. Я стал бы ее искать, я нашел бы ее и покорил. Молли, с ее развевающимися волосами, Молли, в ярких красных юбках и плаще, смелая, как красногрудая сорока, и глаза такие же яркие. От воспоминания о ней я задрожал. Я улыбнулся про себя, а потом почувствовал, как мои губы искривились и легкая дрожь превратилась в содрогание. Мое тело выгнулось, затылок резко ударился о кровать. Я невольно вскрикнул — невразумительный булькающий звук. В мгновение ока Джонки оказалась рядом со мной и

позвала Баррича, и уже они оба держали меня за руки и ноги. Баррич всем телом навалился на меня, пытаюсь остановить судороги. И тут я потерял сознание.

Я выбирался из темноты на свет, словно поднимаясь после глубокого погружения в теплую воду. Глубина перьевой перины баюкала меня, одеяла были мягкими, я чувствовал себя в безопасности. Несколько мгновений все было тихо. Я лежал неподвижно, чувствуя себя почти хорошо.

— Фитц? — Баррич наклонился надо мной.

Мир вернулся. Я узнал себя — искромсанное жалкое существо, марионетка с перепутанными нитками, лошадь с разорванным сухожилием. Я никогда не стану прежним; для меня нет места в этом мире, в котором я некогда обитал. Баррич сказал, что жалость — плохая замена любви. Я не хотел жалости ни от кого из них.

— Баррич.

Он наклонился ниже.

— Все было не так уж плохо, — солгал он. — Теперь тебе надо отдохнуть. Завтра...

— Завтра ты поедешь в Баккип.

Он нахмурился:

— Давай не будем спешить. Дай себе несколько дней, чтобы оправиться, и тогда мы...

— Нет. — Я с трудом заставил себя сесть на постели. — Я принял решение. Завтра ты поедешь назад в Баккип. Там есть люди и животные, которые ждут тебя. Ты нужен. Это твой дом и твой мир. Но не мой. Уже нет.

Он долго молчал.

— И что ты будешь делать?

Я покачал головой:

— Это уже не твоя забота. И ничья. Только моя.

— Девушка?

Я еще сильнее потряс головой:

— Она уже ухаживала за одним инвалидом и провела всю свою юность за этим занятием только для того, чтобы обнаружить, что он оставил ее в долгах. Могу ли я вернуться таким и искать ее? Могу ли я просить ее любви, чтобы стать ей такой же обузой, какой был ее отец? Нет. Одной или замужем за другим, ей будет лучше без меня.

Мы оба долго молчали. В углу комнаты Джонки деловито готовила очередной травяной настой, который ничем не сможет помочь мне. Баррич нависал надо мной темной грозовой тучей. Я знал, как сильно ему хочется тряхнуть меня за плечи и выбить из меня это упрямство. Но он не сделал этого. Баррич не бил калек.

— Так, — сказал он наконец, — значит, остается только твой король. Или ты забыл, что поклялся быть слугой короля?

— Нет, не забыл, — ответил я тихо, — и если бы верил, что я все еще слуга, то вернулся бы. Но я не слуга, Баррич. Я обуза. Я стал бесполезной пешкой, которую к тому же надо защищать. Заложник для захвата, бессильный защититься самостоятельно от кого бы то ни было. Нет. Последнее, что я могу сделать как слуга короля, это выйти из игры до того, как кто-нибудь другой воспользуется моей немощью, чтобы причинить вред моему королю.

Баррич отвернулся. Его силуэт едва различался в сумерках комнаты, лица его нельзя было разглядеть в слабом свете огня.

— Завтра мы поговорим... — начал он.

— Только чтобы попрощаться. Я это твердо решил, Баррич. — Я коснулся рукой серьги в моем ухе.

— Если ты остаешься, значит, и я не могу уехать, — в его низком голосе была ярость.

— Нет, не так. Когда-то мой отец захотел, чтобы ты остался и вырастил для него бастарда. Теперь я говорю тебе, чтобы ты уходил и служил королю, который все еще нуждается в тебе.

— Фитц Чивэл, я не...

— Пожалуйста. — Я не знаю, что Баррич услышал в моем голосе, только он внезапно замер. — Я так устал. Так ужасно устал. Я уверен, что не смогу дожить до того, что, как все считают, я должен сделать. Я просто не доживу, — мой голос дрожал, как у старика, — не имеет значения, что мне следовало бы сделать. Не имеют значения мои клятвы. Во мне не осталось сил, чтобы сдержать слово. Может быть, это неправильно, но так уж оно есть. Чужие планы. Чужие цели. Никогда они не были моими. Я пытался, но... — Комната закачалась вокруг меня, как будто говорил кто-то другой, и я был потрясен его словами. Но я не мог отрицать их правдивость. — Теперь мне нужно остаться одному. Чтобы отдохнуть, — просто сказал я.

Они оба только смотрели на меня. Ни один из них не заговорил. Они медленно вышли из комнаты, словно надеясь, что я передумаю и позову их назад. Я этого не сделал.

Но, после того как они вышли и я остался один, я позволил себе выдохнуть. У меня кружилась голова от тяжести принятого решения. Я не вернусь в Баккип. Но что мне делать, я не знал. Я смахнул кусочки моей разбитой жизни с игрового стола. Теперь нужно попытаться их как-то склеить, чтобы начать новую жизнь. Я начал осознавать, что у меня не осталось сомнений. Сожаление смешивалось с облегчением, но сомнений не было. Каким-то образом я понял, что должен положить начало жизни, в которой никто не вспомнит, кем я был когда-то. Жизни, не подчиненной ничьей воле, даже воле моего короля. Это было решено. Я снова лег в постель, и в первый раз за многие недели полностью расслабился. Прощайте, подумал я устало. Я хотел бы пожелать им всем счастливого пути, в последний раз предстать перед своим королем и увидеть его короткий одобрителный кивок, подтверждающий, что я поступил правильно. Может быть, я смог бы объяснить ему, почему не захотел вернуться. Этого не будет. Теперь все кончено.

— Прости меня, мой король, — пробормотал я. Я смотрел в танцующее пламя, пока его вид не успокоил меня.

1 СИЛБЕЙ

Быть наследным принцем или принцессой — значит балансировать на канате, натянутом между ответственностью и властью. Говорят, что таким образом будущие венценосцы удовлетворяют свою жажду власти и одновременно учатся пользоваться ею. Старший сын в королевской семье занимает это положение со своего шестнадцатого дня рождения. С этого дня будущий король несет полную ответственность за управление Шестью Герцогствами. Обычно он принимает на себя те обязанности, которые менее всего занимают царствующего монарха, — а таковые сильно варьируются в зависимости от ситуации в стране. При короле Шрюде принц Чивэл первым стал наследником престола. Король передал ему все дела, относящиеся к внешним границам: военные действия, торговлю и дипломатию и как следствие — неудобства от длительных путешествий и походной жизни в военных лагерях. Когда Чивэл отрекся от престола, наследником стал принц Верити, который унаследовал все тяготы неопределенности войны с островитянами и разногласий между Внутренними и Внешними Герцогствами, вызванные этой войной. С каждым днем выполнять эти обязанности становилось все труднее, и в любой момент решение принца Верити могло быть отменено королем. Часто ему приходилось разбираться с ситуацией, возникшей не по его вине, и орудие в его руки вкладывал король.

Еще менее прочной была позиция будущей королевы Кетриккен. Горское происхождение сделало ее чужой при дворе Шести Герцогств. В мирные времена ее бы, вероятно, принимали с большей терпимостью, но двор в Баккипе кипел страстями вместе со всеобщими волнениями в Шести Герцогствах. Красные корабли с Внешних островов опустошали наши берега — чего не происходило уже много лет, — уничтожая гораздо больше, чем забирали с собой. Постоянная угроза набегов и продолжающиеся пытки, которым подвергали людей «перекованные», потрясли основы Шести Герцогств. Доверие к монархии было утрачено, и

Кетриккен оказалась в незавидном положении иностранки и жены нелюбимого наследника.

Внутренние Герцогства начали возмущаться налогами, собираемыми для защиты берегов, которые не имели к ним никакого отношения, и двор Баккипа тоже раскололся на два враждебных лагеря. Прибрежные Герцогства требовали военных кораблей, солдат и эффективных действий в борьбе с пиратами, которые всегда наносили удар там, где их меньше всего ожидали. Выросший на материке, принц Регал надеялся собрать недовольных под свое крыло и улачивал Внутренние Герцогства подарками и социальными льготами. Наследник Верити, убедившись, что Скилла уже недостаточно, чтобы удержать пиратов, занялся постройкой боевых кораблей для защиты Прибрежных Герцогств и уделял мало внимания своей королеве. И надо всем этим скорчился, как огромный паук, король Шрюд, пытаясь удержать власть, разделенную между ним и его сыновьями, и сохранить все в равновесии, не дав Шести Герцогствам распасться.

Я проснулся оттого, что кто-то прикоснулся к моему лбу. Раздраженно заворчав, я мотнул головой. Одежда была скомкана; я с трудом высвободился и сел, чтобы посмотреть, кто посмел побеспокоить меня. Шут короля Шрюда беспокойно ерзал на стуле рядом со мной. Я дико уставился на него, и он отпрянул от моего взгляда. Беспокойство охватило меня.

Шут должен был быть в Баккипе, рядом с королем, за много миль и дней пути отсюда. Я никогда не слышал, чтобы он оставлял свое место подле короля больше чем на несколько часов ночного отдыха. Его появление здесь не предвещало ничего хорошего. Шут был моим другом — насколько он вообще мог быть чьим-нибудь другом при его странности. Но он всегда приходил ко мне по какой-нибудь причине, и эта причина редко бывала приятной или обыденной.

Он выглядел усталым как никогда прежде. На нем был незнакомый шутовской наряд из зеленых и красных кусочков ткани, а в руках он держал шутовской же скипетр с крысиной головой. Яркая одежда сильно контрастировала с его бесцветной кожей. Из-за нее он казался полупрозрачной свечкой, оплетенной остролистом. Его одежда

выглядела более настоящей, чем он сам. Его тонкие светлые волосы струились из-под колпака, как волосы утопленника в море, а танцующие языки пламени очага отражались в его глазах. Я потер мои слипающиеся глаза и откинул волосы со лба. Они были влажными; во сне я вспотел.

— Привет, — с трудом произнес я, — не ожидал увидеть тебя здесь. — Во рту у меня пересохло, язык, казалось, распух. Я болен, вспомнил я. Все было как в тумане.

— А где еще? — он скорбно посмотрел на меня. — Чем больше вы спите, тем менее отдохнувшим выглядите. Ложитесь, мой лорд, позвольте мне устроить вас поудобнее. — Он хлопотливо начал взбивать мои подушки, но я жестом остановил его. Что-то тут было не так. Шут никогда не разговаривал со мной столь почтительно. Друзьями мы были, но его слова, обращенные ко мне, всегда были обманчивыми, как кислое недозрелое яблоко. Если эта внезапная доброта была проявлением жалости, мне она не нужна.

Я посмотрел вниз, на свою расшитую ночную рубашку, на богатое покрывало. Что-то показалось мне странным. Я был слишком усталым и ослабевшим, чтобы думать об этом.

— Что ты здесь делаешь? — спросил я его.

Он тяжело вздохнул:

— Я ухаживаю за вами. Наблюдаю за вами, когда вы спите. Я знаю, вы считаете, что это глупо, но я ведь и есть дурак. Так что я должен быть глупым. И все-таки вы задаете мне один и тот же вопрос каждый раз, когда просыпаетесь. Позвольте тогда предложить кое-что поумнее. Я умоляю вас, мой лорд, позвольте мне послать за другим целителем.

Я откинулся на подушки. Они были влажными от пота. Я знал, что могу попросить шута сменить их, и он бы это сделал, но в любом случае я вспотею снова. Это бесполезно. Я вцепился в свое одеяло узловатыми пальцами и прямо спросил его:

— Почему ты пришел сюда?

Он взял мою руку в свою и погладил ее:

— Мой лорд, я не доверяю вашей внезапной слабости. По-видимому, лекарства этого целителя совершенно не помогают вам. Я боюсь, что он знает гораздо меньше, чем думают люди.

— Баррич? — спросил я недоверчиво.

— Баррич? Если бы он был здесь, мой лорд! Может быть, он и простой конюший, но я уверяю вас, что он гораздо больше целитель, чем этот Волзед, который перекармливает вас лекарствами и вгоняет в пот.

— Волзед? Баррича тут нет?

Лицо шута помрачнело:

— Нет, мой король. Он в горах, вы же прекрасно знаете.

— Твой король, — сказал я и попытался засмеяться: — Какая насмешка!

— Что вы, мой лорд, — сказал он мягко, — что вы!

Его нежность смутила меня. Это был не тот шут, которого я знал, полный насмешек и загадок, хитрых укулов, каламбуров, искусных оскорблений. Я внезапно почувствовал себя растянутым, как старая веревка, и таким же потрепанным. Тем не менее я попытался сложить два и два.

— Значит, я в Баккипе?

Он медленно кивнул.

— Конечно, — огорченно сжал губы он.

Я молчал, пытаюсь измерить всю глубину предательства. Каким-то образом меня вернули в Баккип. Против моей воли. И даже не посчитали нужным, чтобы Баррич сопровождал меня.

— Позвольте мне дать вам немного еды, — взмолился шут, — вы всегда чувствуете себя лучше после того, как поедите. — Он встал. — Я принес ее наверх много часов назад. Держал ее у очага, чтобы не остыла.

Я устало проводил его взглядом. У большого очага он нагнулся, чтобы взять закрытую кастрюлю. Поднял крышку, и я ощутил запах жирной тушеной говядины. Он начал накладывать мясо в тарелку. Прошли многие месяцы с тех пор, как я в последний раз пробовал говядину. В горах ели только оленину, баранину и козлятину. Я устало оглядывал комнату. Тяжелые гобелены, массивные деревянные кресла. Тяжелые камни очага, богатая драпировка кровати. Я знал это место. Это была королевская спальня в Баккипе. Почему я здесь, в королевской постели? Я попытался спросить шута, но кто-то другой заговорил моими губами:

— Я слишком много знаю, шут. Я больше не могу удерживать в себе это знание. Иногда это похоже на то, что кто-то другой

контролирует мою волю и заставляет меня думать о том, чего я предпочел бы не касаться. Мои стены пробиты. Все это поднимается во мне, подобно приливу. — Я глубоко вздохнул, но не мог выдохнуть. Сперва в ушах у меня зазвенело, потом я словно погрузился в медленный поток холодной воды. — Новый прилив, — выдохнул я. — Прилив, — я задыхался. — Несет корабли. Корабли с красными киями...

Глаза шута тревожно расширились:

— В это время года, ваше величество? Конечно же, нет. Не зимой!

Мою грудь сдавило, я задыхался. Я попытался заговорить.

— Зима наступает слишком мягко. Она избавила нас и от штормов, и от своей защиты. Смотри. Смотри туда, на воду! Видишь? Они приближаются. Они идут из тумана. — Я поднял руку, чтобы показать ему. Шут поспешно подошел и встал рядом со мной. Он наклонился и посмотрел туда, куда я показывал, но я знал, что он не может ничего увидеть. Тем не менее он преданно положил руку на мое плечо и вглядывался, как будто мог силой воли преодолеть стены и мили, разделявшие его и мое видение. А я мечтал быть таким же слепым, как он. Я схватил бледную руку с длинными пальцами, лежащую на моем плече. На мгновение я взглянул на свою иссохшую ладонь и королевское кольцо с печатью, надетое на костлявый палец с распухшим суставом. Потом мой ленивый взгляд оторвался от руки, и видение унесло меня с собой.

Рука моя теперь указывала на тихую гавань. Я попытался приподняться, чтобы увидеть больше. Темный город расстилался передо мной, как лоскутное одеяло из домов и дорог. Туман лежал в низинах и сгущался над заливом, и я подумал, что это к перемене погоды. Что-то пронеслось в воздухе, остудив влажную от пота кожу, и я задрожал. Несмотря на темную ночь и туман, я все прекрасно видел. «Это Скилл, — сказал я себе и задумался. — Я не владею Скиллом — во всяком случае, не могу контролировать его».

Но пока я смотрел, два корабля, вырвавшись из тумана, вошли в спящую гавань. Я забыл о том, что я мог или чего не мог делать. Они были гладкими и красивыми, эти корабли, и, хотя при лунном свете они казались черными, я знал, какого цвета их кили. Пираты красных кораблей с Внешних островов. Корабли резали защищенные воды бухты, как тонкое лезвие испаривает свиное брюхо. Весла двигались

бесшумно и слаженно. Скрип уключин заглушали тряпки. Они двигались вдоль доков со смелостью честных купцов, прибывших торговать. С первого корабля легко соскочил матрос с линем, чтобы пришвартоваться. Гребец не подпускал корабль к пристани, пока ему не сбросили и кормовой лить, который матрос тоже закрепил. И все это с таким бесстыдным спокойствием! Второй корабль последовал примеру первого. Страшные красные корабли вошли в город, наглые, как чайки, и пришвартовались у родной пристани своих будущих жертв.

Ни один часовой не вскрикнул. Ни один наблюдатель не подул в рог и не бросил факел в приготовленную кучу дров, чтобы зажечь сигнальный огонь. Я повел глазами, и все тут же прояснилось. Их безжизненные тела лежали на сторожевых постах. Прекрасная одежда домашней вязки из серой превратилась в красную, впитав кровь из их перерезанных глоток. Убийцы подошли тихо, по суше, хорошо зная расположение всех постов. И все часовые умолкли навеки. Никто не мог предупредить спящий город.

Наблюдателей было не так много. Не таким уж значительным был этот город — он не заслужил даже точки на карте. Жители рассчитывали на то, что это защитит их от набегов. Они получали хорошую шерсть и пряли добротную пряжу, это верно. Вылавливали и коптили лосося, который водился в реке, а яблоки здесь были маленькими, но сладкими, и из них получалось доброе вино. К западу от города была колония съедобных моллюсков. Вот и все богатства Силбея — не так уж много, но достаточно для того, чтобы люди здесь ценили свою жизнь. Во всяком случае, уж конечно, город не стоил того, чтобы пройти по нему с огнем и мечом. Какой человек в здравом уме сочтет бочку яблочного вина или копченого лосося достойными пиратского набега?

Но это были красные корабли, и они приходили не за товарами и не за деньгами. Им не нужны были ни племенные стада, ни даже красивые женщины, которых можно взять в жены, ни юноши, которых можно посадить за весла на галерах. Густошерстные овцы будут изувечены и убиты, копченый лосось раздавлен грязными сапогами, склады шерсти сожжены, винные погреба разгромлены. Они возьмут заложников, да, но только для того, чтобы «перековать» их. Магия «перековывания» лишит несчастных всех эмоций и оставит им только

мысли о еде. Пираты не станут удерживать их у себя, а бросят здесь, чтобы их страшная немощ научила тех, кто любил их и называл родными. Лишенные всех человеческих чувств, «перекованные» будут опустошать родной город безжалостно, как росوماхи. Это превращение «перекованных» в охотников за своими братьями было самым жестоким орудием островитян. Я уже знал об этом. Видел последствия других набегов. Наблюдал, как накатывает смертельная волна, чтобы поглотить маленький город. Островные пираты прыгивали с корабля на пристань и наводняли улицы. Они безмолвно шли по городу, разделившись на группы по двое или по трое, смертоносные, как растворяющийся в вине яд. Те, что остались на пристани, обыскивали корабли, привязанные к причалу. В основном это были маленькие открытые плоскодонки, но были еще и два рыболовных судна и одно торговое. Их команды постигла быстрая смерть. Неистовое сопротивление моряков было столь же тщетным, сколь истощное кудяхтанье домашней птицы, когда ласка залезает в курятник. Я слышал их отчаянные голоса, полные муки. Плотный туман жадно глотал их крики. От этого смертельные вопли людей становились только стонами морских птиц. Потом корабли были пренебрежительно сожжены — никто даже не подумал забрать их в качестве трофея. Эти пираты никогда не брали настоящей добычи. Может быть, горсть монет, если их легко было найти, или ожерелье с тела той, которую они изнасиловали и убили, — но не более того.

Я не мог ничего сделать — только смотрел. Я тяжело закашлялся, потом обрел дыхание и заговорил...

— Если бы только я мог понять их, — сказал я шуту, — если бы только я знал, чего они хотят! Нет никакого смысла в том, что делают пираты красных кораблей. Как можем мы сражаться с ними, если не знаем причины, по которой они воюют?

— Они — часть безумия того, кто управляет ими. Их можно понять, только разделив их безумие. Лично у меня нет такого желания. Понять их — не значит остановить.

Нет, мне не хотелось смотреть на город. Я видел этот кошмар слишком часто. Но только бессердечный человек смог бы отмахнуться от него, как от плохого кукольного представления. Самое малое, что я мог сделать для своего народа, это смотреть, как люди умирают. И в то же время это было самое большое, что я мог сделать для него. Я был

больным, искалеченным, глубоко старым человеком. Ничего большего от меня нельзя было и ожидать. Так что я лишь наблюдал. Я смотрел, как маленький город просыпается от сладкого сна только для того, чтобы почувствовать грубую руку на горле или на груди, чтобы увидеть нож, занесенный над колыбелью, или услышать отчаянный крик разбуженного ребенка. Огни замерцали и начали разгораться повсюду. В одних местах зажигались свечи при крике соседа, в других факелами пылали подоженные дома. Хотя красные корабли терроризировали Шесть Герцогств уже больше года, для этих людей кошмар стал реальностью только сегодня ночью. Они думали, что готовы. Они слышали ужасные истории и решили, что никогда не допустят подобного. И все-таки здания горели и крики поднимались к ночному небу, словно рожденные дымом.

— Говори, шут, — приказал я хрипло, — вспоминай будущее для меня. Что они говорят о Силбее? О зимнем набеге на Силбей?

Он прерывисто вздохнул.

— Это непонятно, неясно, — он медлил, — все колеблется, все меняется. Слишком многое в движении, ваше величество. Будущее разливается там во всех направлениях.

— Рассказывай все, что видишь.

— Они сложили песню об этом городе, — глухо проговорил шут. Он все еще сжимал мое плечо. Даже сквозь ночную рубашку я чувствовал, какими холодными были его длинные сильные пальцы. Дрожь пробежала по его телу, и я почувствовал, как трудно ему стоять возле меня. — Когда ее поют в таверне и стучат по столу кружками с элем, все это кажется не таким ужасным. Можно вообразить, какое храброе сопротивление оказывали эти люди, — они сражались, а не сдавались. Ни один человек не был взят живым и «перекован», ни один, — шут замолчал. Истерическая нота в его голосе приглушалась легкостью, которую он старался придать словам. — Конечно, когда вы пьете и поете, вы не видите крови и не чувствуете запаха горячей плоти. И не слышите крика. Но это понятно. А вы пытались когда-нибудь найти рифму к словам «разорванный ребенок»? Кто-то когда-то попробовал «дарованный котенок», но эти стихи все равно не очень-то складные. — Ничего веселого не было в его шутке. Эти горькие насмешки не могли обмануть ни его, ни меня. Он снова замолчал. Мой пленник был обречен разделять со мной мое горькое знание.

Я молча наблюдал. Никакие стихи не могут выразить страдания матери, запикивающей в рот ребенка отравленную конфетку, чтобы уберечь его от пиратов. Никто не может рассказать о криках детей, которые корчатся в предсмертных судорогах от жестокого яда, или о мучениях женщин, которых безжалостно насилуют. Ни стихи, ни мелодия не могут вынести тяжести рассказа о лучниках, самые верные стрелы которых убивали захваченных в плен родственников прежде, чем их успевали утащить на корабли. Я заглянул внутрь горящего дома. Сквозь языки пламени я видел десятилетнего мальчика, который подставил свое горло под удар материнскому ножу. Перед тем задушил младшую сестренку, потому что пришли красные корабли и ни один любящий брат не отдал бы ее ни пиратам, ни прожорливому пламени. Я видел глаза матери, когда она, прижав к себе тела детей, бросилась в огонь. Такие вещи лучше не запоминать. Но я не мог избавиться от этого знания. Это был мой долг — знать и помнить.

Не все погибли. Некоторые бежали в окрестные поля и леса. Я видел, как один молодой человек, схватив четверых детей, укрылся под доками и цеплялся за обросшие ракушками балки, по горло в ледяной воде, пока пираты не уйдут. Другие пытались спастись, но были убиты. Я видел, как женщина в ночной рубашке выскользнула из дома. Языки пламени уже бежали по его стене. Одного ребенка она несла на руках, второй бежал за ней, держась за подол. Даже в темноте отражались отблески пламени в ее волосах. Она в страхе озиралась по сторонам, но длинный нож в ее свободной руке был наготове. Я успел заметить маленький сжатый рот и злые суженные глаза. Потом на мгновение я увидел гордый профиль, освещенный огнем.

«Молли!» — задохнулся я и протянул к ней скрюченную руку. Она подняла дверцу и пихнула детей в погреб за горящим домом, бесшумно прикрыла дверь. Спасена?

Нет. Они вышли из-за угла. Двое. У мужчины был топор. Они шли медленно, развязной походкой, громко смеялись. На их лицах, перепачканных сажей, страшно сверкали зубы и белки глаз. Женщина была очень красивая, оглушительно хохотала. Бесстрашная. В ее волосы была вплетена серебряная проволока. Красные отблески пламени искрились на блестящей нити. Пираты подошли к дверце погреба, и мужчина взмахнул топором, который, описав широкую дугу, глубоко вошел в дерево. Я услышал испуганный крик ребенка.

«Молли!» — вырвалось у меня. Я скатился с кровати, но сил встать не было. Я пополз к ней.

Дверца подалась, и пираты засмеялись. Мужчина так и умер смеясь, когда Молли выпрыгнула из погребца и воткнула свой длинный нож ему в глотку. Но у красивой женщины со сверкающим серебром в волосах был меч. Молли попыталась было вытащить свой нож из тела умирающего, а этот меч опускался, опускался, опускался...

В это мгновение в горящем доме что-то с угрожающим треском рухнуло. Здание закачалось и обвалилось в дожде искр и взрыве ревущего пламени. Завеса огня возникла между мной и погребом. Я не мог ничего разглядеть сквозь этот огненный ад. Упал ли дом на дверь погребца и нападающих пиратов? Я не видел. Я рванулся вперед, протягивая руки к Молли.

Но в одно короткое мгновение все исчезло. Не было ни горящего дома, ни разграбленного города, ни разрушенной гавани, ни красных кораблей. Только я сам, скорчившийся у очага. Я сунул руку в огонь, и мои пальцы сжали уголь. Шут закричал и схватил меня за запястье. Я стянул его руку и тупо смотрел на свои обожженные пальцы.

— Мой король! — горестно промолвил шут. Он опустился подле меня на колени и осторожно отодвинул кастрюлю с супом от моих ног. Смочил салфетку в вине, которое было налито для меня, и покрыл ею мои безвольные пальцы. Я не чувствовал боли ожога, только глубокую рану в моем сердце. Он расстроено смотрел мне в глаза. Я едва видел его. Он казался бестелесным, когда отблески пламени отражались в его бесцветных глазах. Тень, как и все прочие тени, которые пришли терзать меня.

Обгоревшие пальцы внезапно заболели. Я сжал их другой рукой. Что я делал, о чем думал? Скилл внезапно проявился во мне, сильный, как припадок, и исчез, оставив меня опустошенным. Нахлынувшая усталость заполнила меня, и боль управляла ею, как послушной лошадью. Я пытался вспомнить увиденное.

— Что это была за женщина? Она что-то значит?

— А, — шут теперь выглядел еще более усталым, но пытался держаться, — женщина в Силбее? — Он помолчал, как бы копаясь в памяти. — Нет. У меня ничего нет. Все это так запутано, мой король. Так трудно понять...

— У Молли нет детей, — сказал я ему, — это не могли быть ее дети.

— Молли?

— Ее зовут Молли? — спросил я. В голове у меня стучало. Внезапно ярость овладела мною. — Почему ты так мучаешь меня?

— Мой лорд, я не знаю никакой Молли. Пойдемте, вернитесь в вашу постель, и я принесу вам немного поесть.

Он помог мне встать на ноги, и я разрешил ему это. Я снова обрел голос. Я плыл. Взгляд мой то фокусировался, то снова затуманивался. В одно мгновение я ощущал его руку на своей, а в следующее казалось, что я вижу во сне эту комнату и этого человека рядом со мной. Я с трудом заговорил:

— Я должен знать, была ли это Молли. Я должен помочь ей, если она умирает. Шут, я должен знать.

Шут тяжело вздохнул:

— Я не властен над этим, мой король, вы же понимаете. Мои видения, как и ваши, управляют мной, а не наоборот. Я не могу вытянуть нить из гобелена, я только смотрю туда, куда направлен мой взгляд. Будущее, мой король, подобно течению в реке. Я не могу сказать вам, куда движется одна капля воды, но могу понять, где течение сильнее всего.

— Женщина в Силбее, — настаивал я. Часть меня жалела моего бедного шута, но другая часть была непреклонна. — Я не видел бы ее так отчетливо, если бы она не имела для меня значения. Попытайся. Кто она?

— Она очень важна для вас?

— Да. Я в этом уверен. О, да.

Шут сел на пол, скрестив ноги. Он приложил ко лбу свои длинные тонкие пальцы и сжал их, словно пытаюсь открыть дверь.

— Я не знаю. Я не понимаю... Все запутано, везде перекрестки. Запахи слишком слабы... — он посмотрел на меня. Каким-то образом я стоял, а он сидел на полу у моих ног, глядя на меня своими бесцветными глазами на вытянутом лице. Глупо улыбаясь, он раскачивался от напряжения. Он рассматривал свой крысиный скипетр, поднеся его к самому носу: — Ты знаешь такую Молли, Крысик? Нет? Не думаю, что ты можешь ее знать. Может быть, ему лучше спросить кого-нибудь еще, кто знает. Может быть, червей, — он

глупо захихикал. Бесплезное создание. Глупый утешитель, говорящий загадками. Что ж, он не виноват в том, что он такой. Я оставил его и медленно пошел назад к постели, потом сел на край ее.

Я обнаружил, что дрожу, как в лихорадке. «Припадок», — сказал я себе. Надо успокоиться, иначе будет припадок. Хочу ли я, чтобы шут увидел, как я задыхаюсь в судорогах? Мне было все равно. Ничто не имело значения, кроме того, была ли в Силбее моя Молли. Я должен был знать. Я должен был это знать, умерла она или выжила; если умерла, то как?

Шут скорчился на полу, как бледная жаба. Он облизал губы и улыбнулся мне. Боль иногда может вызвать у человека такую улыбку.

— Это очень радостная песня, которую они поют в Силбее, — заявил он. — Триумфальная песня. Видите ли, горожане победили. Они не отвоевали свою жизнь, нет, — но получили достойную смерть. Во всяком случае, это была смерть, а не «перековывание». Это хоть что-то. Что-то, о чем можно слагать песни и за что можно держаться. Вот как оно сейчас в Шести Герцогствах. Мы убиваем своих близких, чтобы этого не могли сделать пираты, а потом слагаем об этом победные песни. Поразительно, в чем люди могут находить утешение, когда больше не на что надеяться.

Мое видение начало расплываться. Я внезапно понял, что это сон.

— Я даже не здесь, — слабым голосом сказал я. — Это сон. Мне снится, что я король Шрюд.

Он поднес свою бледную руку к огню, рассматривая косточки, просвечивающие сквозь прозрачную кожу.

— Если вы так говорите, господин мой, значит, это так. Значит, мне тоже снится, что вы король Шрюд. Если я ущипну вас — может быть, я проснусь?

Я посмотрел вниз, на свои руки. Они были старые и покрытые шрамами. Я сжал кулаки и смотрел, как вены вздуваются под пергаментной кожей, ощущал, что мои распухшие суставы как бы полны песка. «Я теперь старик», — подумалось. Вот что на самом деле значит быть старым. Не больным, когда в конце концов поправишься. Старым. Когда каждый день становится труднее, каждый месяц наваливает на плечи новую ношу. Все как-то ускользало в стороны. Я быстро подумал, что мне пятнадцать. Откуда-то появился запах обожженного тела и горящих волос. Нет, пахнет жирной тушеной

говядиной. Нет, это лечебные благовония Джонки. Смесь этих запахов была тошнотворной. Я уже не знал, кто я такой и что важно для меня. Я пытался ухватиться за ускользающую нить логики, пытался вернуть ее, но тщетно.

— Я не знаю, — прошептал я, — я ничего не понимаю.

— А как я и говорил вам. Можно понять что-то, только став этим.

— Так вот что значит быть королем Шрюдом? — спросил я. Это потрясло меня до глубины души. Я никогда не видел его таким: измученным старческой ненавистью и все-таки по-прежнему переполненным болью за своих подданных. — Неужели он должен терпеть это день за днем?

— Боюсь, что так, господин мой, — мягко ответил шут. — Пойдемте, позвольте мне отвести вас в постель. Уверен, что завтра вам станет лучше.

— Нет. Мы оба знаем, что не станет, — я не произносил этих ужасных слов. Они слетели с губ короля Шрюда, и я услышал их и понял, что это жестокая правда и что она ни на минуту не оставляла короля. Я так ужасно устал. Все во мне болело. Я не знал, что тело может быть таким тяжелым, что просто шевельнуть пальцем стоит невероятных усилий. Мне хотелось отдохнуть. Снова заснуть. Я это был или Шрюд? Мне следовало позволить шуту уложить меня в постель и дать моему королю отдохнуть. Но шут все еще владел лакомым кусочком информации, на котором никак не могли сомкнуться мои щелкающие челюсти. Он жонглировал пылинками знания, которое было необходимо мне, чтобы снова стать самим собой.

— Она умерла там? — требовательно спросил я.

Он грустно посмотрел на меня, потом внезапно нагнулся и снова поднял свой крысиный скипетр. Крошечная слезинка жемчужинкой блестела на щеке Крысика. Шут сфокусировался на ней, и его взгляд снова ушел вдаль, блуждая по пустыне боли. Он заговорил шепотом:

— Женщина в Силбее. Капля в потоке слез всех женщин Силбея. Что могло выпасть на ее долю? Умерла ли она? Да. Нет. Сильно обожжена, но жива. Ее рука отрублена у плеча. Ее изнасиловали, детей убили, но она все же жива. Что-то в этом роде. — Глаза шута стали еще более пустыми, как будто он зачитывал какой-то длинный список. В голосе его не было никакой интонации. — Сгорела заживо вместе с детьми, когда пылающее здание обрушилось на них... Приняла яд, как